

Глава 4.2: Что Посеешь, То и Пожнешь

Сначала ему снилось, что Янь Шо собирается скормить его акулам. Он отчаянно звал на помощь, но злодей насмешливо спросил: «Почему я должен тебя спасать?»

Нин Цзяю обманом заявил, что может предсказывать будущее.

Янь Шо ему не поверил, поэтому Нин Цзяю провел его по нескольким сюжетным точкам, что совершенно ошеломило Янь Шо. В конце концов, Янь Шо встал перед ним на колени и назвал его «Папочка».

Нин Цзяю так наслаждался этим сном, что даже проснувшись, все еще был погружен в радость, совершенно не заметив другого человека, сидящего у кровати.

Пока Янь Шо не заговорил: «Чему ты так радуешься?»

«Мне приснился один...» Слово «идиот» уже готово было вырваться, когда Нин Цзяю в шоке посмотрел на Янь Шо. «Почему ты здесь?»

Янь Шо напомнил ему: «Это моя комната».

Нин Цзяю, испугавшись, вскочил с кровати. Стоя босиком на матрасе, он с недоверием огляделся и воскликнул: «Как я сюда попал?»

«Это я должен спрашивать тебя», — холодно сказал Янь Шо.

Нин Цзяю похлопал себя по голове, наконец, запоздало вспоминая события прошлой ночи.

«Я спал здесь всю ночь?» — спросил он с опаской.

Янь Шо слегка кивнул.

Нин Цзяю почувствовал, что ему конец. «Я не хотел... Я просто хотел посидеть немного... но мне было очень плохо... почувствовал головокружение и просто прилег... Прости, прости... Если тебе противно, я компенсирую тебе кровать...»

«Кровать импортирована из Италии, ручной работы. Мастер уже умер. Чем ты компенсируешь?» — спросил Янь Шо.

Нин Цзяю закрыл лицо: «Я был неправ... Я действительно был неправ... Как насчет... кровать все еще в порядке, я компенсирую тебе комплект постельного белья, хорошо? Это утиный пух,

да? Я прямо сейчас пойду в торговый центр и куплю тебе новый».

Говоря это, он спрыгнул с кровати, схватил тапочки и выбежал. «Одолжи мне эти тапочки, я верну тебе новые, спасибо!» Выходя, он не забыл схватить свой пакет с промокшей вчера одеждой.

Янь Шо откинулся на спинку стула, спокойно наблюдая за его убегающей фигурой.

В его жизни, все еще напоминающей застоявшуюся воду, казалось, упал камешек, вызывая легкую рябь, которая быстро вернулась к спокойствию.

Нин Цзяю бежал изо всех сил, не останавливаясь, пока не миновал вход, купаясь в ярком солнечном свете. Только тогда он снова почувствовал себя по-настоящему живым.

Судя по вчерашнему опыту, похоже, в этом мире не было механизма, заставляющего его следовать сюжету. Это означало, что пока он сам не искал смерти, он мог жить спокойно.

Нин Цзяю был этим вполне доволен и планировал с сегодняшнего дня начать избегать Бай Туна и всех этих людей из семьи Янь, чтобы сохранить свою жизнь.

В любом случае, у него была профессиональная квалификация, и он не боялся голодать в этом мире.

Внезапно Нин Цзяю заметил, как кто-то бежит к нему сбоку, и инстинктивно отступил на шаг.

В следующее мгновение человек, который чуть не врезался в него, не смог вовремя остановиться и прямо упал на каменного льва рядом с Нин Цзяюем.

Тяжелый каменный лев зашатался от удара, показывая, с какой силой налетел другой человек.

По спине Нин Цзяюя пробежал холодок. К счастью, он увернулся, иначе с такой силой он бы сломал себе кость.

Он посмотрел на Бай Туна, который теперь кричал от боли, опираясь на каменного льва, и быстро отступил подальше, желая поскорее уйти.

Неожиданно Бай Тун, правая рука которого сжимала левый локоть, и боль которого заставляла его плакать, все же не забыл изобразить жертву: «Почему ты толкнул меня?»

В следующую секунду, как будто по репетиции, Янь Тяньхао выскочил из ниоткуда, немедленно загородил Бай Туна и сердито указал на Нин Цзяюя, требуя: «Ты снова обижаешь

Бай Туна?»

«Какой глаз твой видел, что я его обижаю? Если у тебя галлюцинации, быстро иди в больницу», — парировал Нин Цзяю, с презрением взглянув на изящного и слабого Бай Туна, лежащего в объятиях Янь Тяньхао. «Перестань притворяться. Это ты внезапно побежал и попытался врезаться в меня».

Бай Тун, со слезами на глазах: «Зачем мне врезаться в тебя? Мне же теперь больно!»

Каменные львы у входа в дом семьи Янь имели историю более ста лет и были очень внушительного веса. Нин Цзяю стоял прямо рядом с каменным львом. Если бы Бай Тун крепко врезался в него, даже если бы он не расколот себе голову, его рука была бы травмирована.

В этом мире пушечное мясо Нин Цзяю был студентом-медиком, которому предстояло в будущем проводить операции. Если бы его рука была повреждена, он не смог бы выполнять многие деликатные задачи, не говоря уже о хирургии, что фактически разрушило бы его перспективы.

Читая книгу, Нин Цзяю знал только, что Бай Тун — нехороший человек. На этот раз он напрямую ощутил его злобу.

Он взглянул на постепенно синеющую руку Бай Туна. Если его предсказание было верным, рука Бай Туна была довольно серьезно травмирована.

Он сам навлек на себя беду.

Нин Цзяю почувствовал своеобразное удовлетворение в сердце и хотел уйти со своей сумкой.

Янь Тяньхао, который нежно утешал Бай Туна, увидел это и тут же строго крикнул, чтобы остановить его: «Не смей уходить!»

Нин Цзяю раздраженно обернулся: «Что? Хочешь оставить меня на обед?»

«Извинись перед Бай Туном!» — приказал Янь Тяньхао.

«Это не я в него врезался. Почему я должен извиняться?» Хотя он был склонен к робости, пережив вчерашнюю почти катастрофу, Нин Цзяю почувствовал себя немного смелее.

«Это был определенно ты!» — сердито сказал Янь Тяньхао.

Бай Тун немедленно заплакал еще более жалко.

У главного входа сновали люди. Мать Янь Тяньхао, Пань Фан, поспешила сюда, услышав шум. В ярости она замахнулась, чтобы ударить Нин Цзяюя: «Бесстыдник! Как ты смеешь снова обижать Бай Туна за нашей спиной!»

Нин Цзяю поспешно увернулся, используя свою сумку, чтобы заблокировать направленную на него пощечину.

Пань Фан, промахнувшись, без всякой причины выхватила сумку прямо из его руки. «Ну вот! Ты даже осмеливаешься воровать в нашем доме! Дай-ка посмотрю, что ты, этот вор, украл!»

Прежде чем Нин Цзяю успел ее остановить, Пань Фан уже вытащила содержимое. Увидев комплект полусухой, полумокрой, скомканной одежды, она с презрением бросила их на землю: «Что это за грязное барахло?»

Одежда приземлилась и покрылась пылью, но все еще можно было понять, что это был повседневный, светло-серый костюм — тот самый, который был на Нин Цзяюе до того, как он упал в воду вчера.

Когда Янь Тяньхао увидел его, его лицо слегка изменилось.

<http://bllate.org/book/12812/1130343>